

Выйдя из сада, Довн-Сянь обнаружил, что снаружи его дожидается слуга. Тот проводил его в покои, приготовленные для Дун Сяня.

— Будешь поправляться здесь. Как только окрепнешь, если захочешь вернуться в свои комнаты — воля твоя! — Лю Синь не стал тратить лишних слов: усадив его на кровать, он бросил эту фразу и, развернувшись, зашагал прочь.

В комнате была приготовлена горячая вода. Дун Сянь, не привыкший к тому, чтобы его обслуживали другие, отослал слуг прочь. Оставшись один, он сменил промокшее ханьфу и, смыв с себя холод, постепенно согрелся. Он медленно присел на край кушетки и распустил свои длинные, словно водопад, волосы.

Среди лент, скреплявших пряди, блеснул темно-зеленый отблеск. Дун Сянь осторожно извлек предмет — это была половинка нефритовой подвески Лю Синя с выгравированным иероглифом Синь. Долго глядя на теплый нефрит, он невольно коснулся губ легкой улыбкой, а затем бережно спрятал его обратно.

Из-за того, что Дун Сянь промок под дождем и еще не до конца оправился от болезни, он проспал без просыпа целые сутки.

Когда он открыл глаза, рядом с ним уже сидели Чжи Вэй и несколько служанок. Увидев, что он пришел в себя, Чжи Вэй тут же подала ему отвар:

— Императорский лекарь только что ушел, скорее выпей лекарство. Его Высочество совсем не знает меры, но как ты мог последовать его примеру и проявить такое упрямство? Едва поправившись, ты решил снова довести себя до изнеможения.

— Твой принц — человек неординарный. Если бы он совсем не знал меры, то не позволил бы мне здесь поселиться, — Дун Сянь поблагодарил Чжи Вэй и принял чашу.

— И ведь ты не так уж много преподавал ему уроков, а ваши характеры — будто вылиты из одной формы, никто не хочет уступить ни на шаг, — Дун Сянь, только проснувшись, выглядел несколько расслабленным, но даже так в его чертах невозможно было скрыть природное изящество.

Он выпрямился и спросил:

— За все то время, что я здесь, я почти ничему его не научил. Что сейчас делает Лю Синь? Уж не замышляет ли он, как бы снова меня помучить?

Чжи Вэй рассмеялась:

— В это время Его Высочество должен заниматься в кабинете. Он вовсе не из тех, кто любит пакости. На моей памяти это первый раз, когда он с кем-то так рьяно спорит.

Дун Сянь сжал губы и с улыбкой покачал головой. Видя, что он не верит, Чжи Вэй добавила:

— Господин Дун, не думайте, что он только и делает, что выживает вас. Вчера вечером, когда вы уснули, именно Его Высочество посылал за лекарем. По-моему, на самом деле он вовсе вас не ненавидит.

— Если всё так, как ты говоришь, то это к лучшему, — на его чистом лице промелькнула тень заботы. — У меня здесь больше нет дел. Чжи Вэй, ты ведь прислуживаешь Его Высочеству, возвращайся поскорее, чтобы не давать поводов для сплетен.

Человек перед ней свято чтит ритуалы, и само нахождение наедине уже считалось нарушением правил. Чжи Вэй украдкой взглянула в ясные глаза Дун Сяня — они были подобны застывшему чистому озеру, в котором не дрогнет ни одна рябь. На сердце девушки стало одновременно и трепетно, и горько. Трепетно — потому что такие мужчины ведут себя открыто и благородно, к тому же, обладая столь неземной внешностью, разве могла какая-нибудь девушка не влюбиться? А горько — потому что для нее Дун Сянь был слишком далек; казалось, даже если она отдаст ему всю свою теплоту, в его душе не останется ни следа.

Подумав об этом, Чжи Вэй тихо вздохнула и произнесла:

— Тогда я удалюсь. У господина Дун есть еще какие-нибудь распоряжения?

Ее печаль отразилась в его глазах, и ему стало неловко. Дун Сянь обронил:

— Жить в таких покоях хорошо всем, кроме того, что они слишком просторны, отчего становится немного скучно.

Чжи Вэй не совсем поняла, что он имел в виду, но кивнула:

— Я передам это Его Высочеству. Господин Дун, отдыхайте.

Сказав это, она взяла пустую чашу и удалилась.

К удивлению Дун Сяня, после полудня Лю Синь пришел провести его лично. Хотя это и был визит вежливости, отношение принца оставалось таким же холодным, как обычно. Дун Сянь уже поднялся с постели и стоял у окна, любуясь садом.

Войдя, Лю Синь сразу сказал:

— Чжи Вэй говорит, что тебе здесь скучно, но, по-моему, господин Дун вполне доволен!

Дун Сянь обернулся:

— Просто решил полюбоваться дворцовым садом, нашел себе занятие по душе.

— Ты — учитель, которого рекомендовал мне дядя Ван Ман. Я уже говорил, что не обижу тебя,
— Лю Синь прошел к столу и сел, хлопнув в ладоши. — Раз учителю скучно, а ученик не проявил должного гостеприимства, разве это прилично?

Едва он закончил, как в покоиплыли танцовщицы в роскошных одеждах. Девушки были прекрасны, как цветы, а самой младшей из них едва исполнилось тринадцать. Они были хорошо обучены: войдя в комнату, разделились на две группы — одна заиграла на инструментах, другая начала танец. Звучали нежные мелодии шелковых струн, легкие мотивы Южного края. Изящные шелка и виртуозный танец напоминали о торжественных дворцовых пирах. Сочетание этих стилей было безупречным.

Сначала Дун Сянь был озадачен. Но, увидев, что Лю Синь спокойно сидит в стороне, он слегка улыбнулся, тоже присел к столу и начал наблюдать.

Когда танец завершился, девушки поклонились. Лю Синь посмотрел на Дун Сяня:

— Эти девушки привезены из разных мест, они с детства обучались танцевальному мастерству во дворце, обычно их выступления можно увидеть только на пирах. Как тебе?

Дун Сянь взглянул на их юные, густо напудренные лица и, повернувшись к Лю Синю, ответил вопросом на вопрос:

— Ваше Высочество, доводилось ли вам видеть танец Императрицы Чжао?

Лю Синь замер. Нынешняя Императрица Чжао Фэйянь изначально была певицей в резиденции Третьей принцессы, но ее мастерство было столь выдающимся, что даже во дворце о ней знали все.

Лю Синь промолчал, и Дун Сянь продолжил:

— В свое время Его Величество пленился именно ее несравненным танцем и забрал ее во дворец. Мне довелось видеть выступление Императрицы, и если танец этих девушек сравнить с ласточкой на ветке, то Императрицу Чжао можно назвать фениксом в облаках.

Лю Синь взмахнул рукой, и танцовщицы удалились. Он прекрасно понимал, что Дун Сянь намеренно загоняет его в тупик — раз уж он видел самый прекрасный танец в мире, разве то,

что было до этого, могло сравниться? Своими вежливыми словами Дун Сянь фактически объявил этот номер неудачей.

— Неужели ты хочешь, чтобы Императрица станцевала для тебя, чтобы развеять скуку? — Лю Синь знал, что это невозможно, и задал вопрос нарочно, чтобы поставить Дун Сяня в неловкое положение.

Однако Дун Сянь лишь спокойно улыбнулся. Он подошел к столу, выбрал книгу, раскрыл ее и протянул Лю Синю:

— Зачем беспокоить Императрицу? У меня есть свой способ развлечься.

Лю Синь опустил взгляд: в руках у него снова была «Биография Сян Юя». Он любил эту книгу, но после того, как в прошлый раз ему пришлось переписать её всю целиком, при одном её виде у него начинала болеть голова.

Дун Сянь указал на свиток:

— Сегодня я хочу послушать, как Ваше Высочество прочтет один отрывок.

Лю Синь знал книгу наизусть и, взглянув на текст, сразу понял, о чем речь.

— Хунмэньский пир? — уточнил он.

Дун Сянь кивнул и сел рядом, приготовившись слушать. Возможно, поддавшись настроению, Лю Синь не стал отказываться, взял книгу и громко начал читать:

— Войско Пэй-гуна стояло в Башане, он еще не успел встретиться с Сян Юем. Левый сыма Пэй-гуна Цао Ушан послал человека сказать Сян Юю: Пэй-гун хочет стать правителем Гуаньчжуна...

Когда чтение было окончено, Дун Сянь уже заварил чай и налил чашку Лю Синю:

— В Хунмэньском пире по меньшей мере тысяча иероглифов. Ваше Высочество очень умен, ни одной ошибки, ни одного неверного падежа.

Лю Синь не придал значения похвале:

— Эту статью я и так вызубрил досконально. Спасибо учителю, что заставил меня переписать ее, теперь даже если захочу забыть — не выйдет.

Дун Сянь, уже привыкший к его колючей манере речи, не принял этого близко к сердцу и сделал глоток чая:

— Приближается день рождения Вдовствующей императрицы, как у вас продвигается подготовка?

После разговора о Хунмэньском пире тема внезапно сменилась на день рождения Ван Чжэнцзюнь, будто в этом был скрытый смысл, о котором не решались сказать прямо.

Зрочки Лю Синя сузились:

— Всеми делами распоряжается дядя Ван Ман, мне особо не к чему готовиться.

В глубоком дворце стены казались толстыми, но повсюду были уши. За короткий диалог Лю Синь уловил суть и, выпрямившись, сменил тему:

— Дядя Ван Ман прислал письмо, говорит — тебе.

Дун Сянь взял конверт. Печать была в полном порядке, письмо никто не вскрывал.

Боишься, что я прочту его, даже не вскрывая конверта? — подумал Дун Сянь. Он понимал, что Ван Ман слишком осторожен, чтобы передавать секретные сведения таким образом. Если уж письмо доставили через Лю Синя, значит, в нем не было ничего, что стоило бы скрывать от принца.

Поразмыслив так, он прямо на глазах у Лю Синя надорвал конверт.

— Похоже на стихотворение... — пробежав глазами по нескольким строчкам, он небрежно протянул записку Лю Синю.

Тот и сам понимал: как могли секретные письма двух людей попасть к нему в руки? Он мельком взглянул на записку и прочел:

— Песни Чу под Гайся звучат в ушах, люди спешат, горы и реки Цинь уже не те. В роду Лю есть гордый сын, отринуты сотни школ, лишь конфуцианство в чести, процветает эпоха императора У. Обиды среди цветов, румяный меч, красавица уходит в северные степи. В круговороте времен всё остается прежним, когда же придет возрождение? Поверь, небо обязательно явит достойного мудреца!

Стихотворение было написано крайне туманно. На первый взгляд — хвала династии Хань за мир и процветание, за расцвет науки и силы при императоре У. Но если вдуматься, во второй части сквозило осуждение Вдовствующей императрицы, которая из зависти к чужой красоте

без колебаний вынудила Ван Чжаоцзюнь уйти к хунну. Последняя же строчка, хотя и казалась рассуждением о цикличности истории, намекала, что кто-то с нетерпением ждет этого дня.

Лю Синь отложил записку:

— Под мудрецом в этом стихотворении, похоже, дядя Ван Ман имеет в виду себя.

Дун Сянь промолчал. По сравнению с Ван Маном Лю Синь всё еще казался слишком юным.

Настанет день, и если ты решишь, что этот «мудрец» — ты сам, то всё поймешь.

Сегодня Дворец Чанлэ выглядел особенно роскошным. Колонны с драконами и фениксами из белого нефрита были обмотаны красным шелком с золотым и серебряным шитьем. Перед сверкающим дворцом выстроилась длинная очередь, церемониймейстер громко объявлял подношения, которые нескончаемым потоком вносили чиновники со всей империи.

Внутри Дворца Чанлэ повсюду были сокровища. Придворные музыканты били в огромные колокола, звучали песни. Праздник в честь Ван Чжэнцзюнь взбудоражил всех чиновников; некоторые из них полгода собирали редкие дары.

Можно было лишь гадать, насколько роскошным был этот пир.

— Его Высочество Лю Синь и господин Дун прибыли! — раздался возглас церемониймейстера.

Едва Лю Синь и Дун Сянь вошли во дворец, как к ним потянулись люди с приветствиями. Оба были необычайно красивы, что невольно приковывало взгляды окружающих. Лю Синь уже поселился во Дворце Юйян, предназначенном для наследных принцев, и, хотя официального назначения еще не было, будущее казалось всё более ясным.

Лю Синь ненавидел лесть и на все заискивания отвечал холодно. Напротив, Дун Сянь, который уже некоторое время находился при дворе, был знаком многим, и чиновники не упускали случая вновь похвалить его красоту.

— Господин Дун, кажется, в последнее время вы стали еще прекраснее!

— Теперь, когда вы стали учителем будущего принца, не забудьте о нас, старых сослуживцах, когда наберетесь веса!

Посыпались игривые речи. Дун Сянь, как всегда, невозмутимо улыбался и поддерживал беседу. Он любил простые цвета, и даже сегодня, надев изящный халат, он выделялся в толпе лишь тонким поясом с кисточками. Легкость, с которой Дун Сянь парировал шутки, раздражала Лю

Синя. После того случая с нефритовой подвеской в дождливый день ему до сих пор было не по себе.

Последние дни он старательно учился, сегодня утром лично пригласил Дун Сяня вместе отправиться во Дворец Чанлэ, но, увидев, как тот непринужденно кокетничает с другими, он пришел в ярость. *Все они любят его лицом, небось, за спиной задумывают что-то непристойное.*

Оставив Дун Сяня, Лю Синь отошел в сторону. Чиновники выстраивались в очередь с подарками с раннего утра, и даже после полудня конца этому не было видно. Лю Синь вздыхал: подобные расточительные пиры вызывали у него лишь отвращение.

— Почему Его Высочество вздыхает? Если кто-то не угодил, можно приказать расследовать его дела, — обернувшись, Лю Синь увидел стройную фигуру. Это был Ван Ман в черном халате. На его худощавом лице играла улыбка, от которой по спине пробежал холодок.

— Дядя Ван Ман, — Лю Синь хотел поклониться, но Ван Ман удержал его, поправив на голове принца головной убор.

— Ты уже почти наследник, негоже тебе кланяться мне.

Лю Синь отступил на шаг:

— Спасибо дяде за поддержку. Если я в будущем чего-то добьюсь, то не забуду о вас.

Ван Ман в душе усмехнулся, но внешне остался спокоен:

— А где господин Дун? Почему он не рядом с тобой?

В этот момент Дун Сянь обернулся на звук голоса, и их взгляды с Ван Маном встретились — оба обменялись понимающими улыбками. Эта сцена не укрылась от Лю Синя. Хотя он давно знал, что Дун Сянь — шпион Ван Мана, эта картина всё равно вывела его из себя.

Ван Ман спросил:

— Как вы ладите? У него холодный нрав, если он тебя чем-то обидел, обязательно скажи мне.

Лю Синь, никогда не питавший к дяде симпатии, буркнул что-то в ответ и собрался уйти в более спокойное место, как вдруг музыка смолкла. Огромный дворец погрузился в тишину.

— Вдовствующая императрица и Его Величество! — провозгласил церемониймейстер.

Все опустились на колени. Ван Чжэнцзюнь медленно вошла во дворец в тяжелых, волочащихся по полу одеждах, в короне с жемчугом и бриллиантами. К удивлению присутствующих, ее под руку поддерживал Лю Юйнь. Они перешептывались, выглядя как настоящие бабушка и внук.

Следом за ней вошел Сын Неба. Все снова пали ниц. Вдовствующая императрица и Император заняли главные места. Рядом с Ван Чжэнцзюнь сидел Лю Юйнь, а вот рядом с Лю Ао не было видно Императрицы Чжао Фэйянь — ее место заняла другая женщина.

Наложница Бай Жун сегодня была счастлива: она могла сидеть рядом с императорской четой. Она поймала на себе множество восхищенных взглядов и чувствовала себя вправе получать эти почести, ведь ее положение изменилось — она носила наследника рода Лю.

— Жун, посиди немного, потом прикажу служанкам проводить тебя, не утомляй ребенка, — слова Вдовствующей императрицы словно окутали ее ореолом славы.

— Всего лишь немного прошлась, а голова уже кружится, — ответила Бай Жун.

Чиновники поспешили поздравить ее. Взглянув на Лю Ао, который оставался серьезным, Бай Жун почувствовала легкую дрожь. Неужели только потому, что не Чжао Фэйянь первой понесла драконий плод? Ни для кого не было секретом, что ради нее император некогда пошел против всех, но никто не мог занять ее места в его сердце. Однако теперь, при отсутствии других наследников, положение Бай Жун было прочно как никогда.

— Ваше Величество... — начала она, но Лю Ао перебил ее, даже не взглянув:

— Если устала, уходи, велю принести тебе лекарства.

Слова звучали как забота, но на деле были лишь отговоркой. Бай Жун благоразумно замолчала. Музыка возобновилась, торжество достигло апогея.

Залы Дворца Чанлэ были устроены необычно: в центре внутреннего зала находился квадратный бассейн, закрытый искусно сделанными серебряными затворами. В какой-то момент раздался звон, затворы открылись, и из бассейна, окутанная легким паром, словно распутившийся цветок лотоса, грациозно взмыла ввысь Чжао Фэйянь.

Зрелище было столь невероятным, что зал замер, а затем взорвался аплодисментами. Больше всех был поражен сам Лю Ао.

— Императрица танцует лучше всех в гареме, — прошептала Бай Жун, прислонившись к плечу Вдовствующей императрицы.

Ван Чжэнцзюнь слегка приподняла губы:

— Конечно, она же бывшая певица, неудивительно, что она так одурманила императора.

Это звучало как комплимент, но в нем слышалась насмешка. Из-за происхождения Чжао Фэйянь между императором и Вдовствующей императрицей возникло немало раздоров. Услышав эти слова, Лю Ао помрачнел.

— Хм, Императрица — мать народа, а до сих пор так наивна. Боюсь, ее старания не будут оценены, — Ван Ман поднял чашу и прошептал Дун Сяню: — Ты приготовил подарок для наложницы Бай Жун?

— Заранее не знал, поэтому не подготовил, — ответил Дун Сянь.

— Вот как? А я приготовил ей большой сюрприз, — Ван Ман осушил чашу.

Лю Синь, сидевший рядом, слышал их перешептывания. Он не желал вслушиваться, но, стоило ему бросить взгляд в сторону, как он замечал, что многие бросают на него двусмысленные взгляды, направленные, впрочем, на Дун Сяня.

Когда танец завершился, Лю Синь не выдержал и обратился к Ван Ману:

— Дядя, я хочу поменяться с вами местами. Раз уж вам всё равно нужно что-то обсудить, сидите вместе.

Он посмотрел на Ван Мана, но краешком глаза следил за Дун Сянем. Не успел Ван Ман ответить, как раздался голос с главного места:

— Танец Императрицы действительно заслуживает восхищения.

<http://bllate.org/book/21155/2144383>